

«Национальная идея» — это пройденный этап развития

Словосочетание «национальная идея», скорее, создает путаницу, нежели что-то проясняет. Все-таки «идея» — это что-то, что может быть сформулировано, высказано. И когда говорят «национальная идея», получается, что каждая нация должна иметь свою собственную национальную идеологию, общенациональный символ веры. В мире существует множество наций, а существует ли, к примеру, датская национальная идея? Или норвежская? (Можно перечислять одну нацию за другой.)

Разумеется, норвежцы идентифицируют себя со своей страной, со своей историей, у них есть писатели, которыми они гордятся, природа, которую они любят, король, которого они уважают, — все это совершенно очевидно. Но можно ли назвать это «национальной идеей»?

Мне думается, что «национальная идея», идея «национальной идеи» — это остаток, отголосок древних времен, уже давно пройденного человечеством этапа развития. Когда-то любая человеческая общность, любой народ имел одну, четко определенную религию, предписания которой охватывали все стороны его жизни. Такая религия мыслилась единственно верной и для данной общности — естественной, «национальной», неразрывно с ней связанной. Каждый русский — православный, каждый швед — лютеранин и т.п. Эта эпоха кончилась уже давно.

Затем наступает эпоха идеологий — идейных систем, претендующих на научное, рациональное обоснование и выдвигающих свои альтернативные проекты будущего. Здесь уже нет той древней жесткой связи народа и идейной системы, как в эпоху господства религии. Тем не менее каждая идеология мыслит себя единственно верной, стремится к победе и реализации своего проекта и закреплению своей победы — достижению национального статуса, статуса и роли «национальной идеи». Иногда на некоторое время кое-где это и получается. Нацизм — самая яркая попытка придать определенным идеям и определенной политической системе такой статус, поставить знак равенства между «немецким» и «нацистским». Наш советский гимн — это тоже символическая попытка соединить национальное с определенной идеологией: «Великая Русь» и «Партия Ленина, сила народная». Но как раз пример коммунизма и нацизма говорит, что такое закрепление уже невозможно. Оно достигается только на короткое время и очень дорогой ценой.

Эпоха идеологий — это эпоха гражданских войн, глубокого раскола общества, периодических временных побед то одной, то другой «национальной идеи». Но в этой борьбе постепенно вырабатываются новые, демократические «правила игры», означающие некоторую «девальвацию» идеологий, их отказ от претензий на абсолютную победу и закрепление этой победы в статусе «национальной». Так, французское общество весь прошлый век было расколото, фактически находилось в состоянии гражданской войны. Периодически какая-то партия побеждала, и война утихала, но в подполье находилась другая. Однако постепенно происходило «рассасывание» тоталитарного потенциала, принятие враждующими идеологическими силами демократических правил. Идеологические потомки роялистов стали нормальной демократической правдой; а, скажем, потомки Робеспьера дошли до уровня Жоспена. И если Робеспьер не мог сидеть за одним столом с роялистом, то при голлисте-президенте вполне может быть премьер-министр социалист. Но победили демократические институты, правила. Общество научилось новым, нерелигиозным и неидеологическим формам интеграции. Никакой национальной идеи не возникло — французы придерживаются самых разных идей. Но общество достаточно сплочено, более, а не менее, чем сто и двести лет назад, но

совершенно иначе. Для развитых стран идеологическая интеграция позади, так же как и религиозная. Они интегрированы иначе — «постидеологически», демократически. И мы идем по этому пути. Достаточно сравнить бурную идеологическую жизнь России 1917 года, когда боролись сильные и непримиримые идеологии, каждая из которых считала себя единственно верной и претендовала на роль общенациональной, и относительно мирную и «безыдейную» революцию 1991 года. И даже с 1991 года нами уже пройден определенный путь. Вспомните, какие страсти кипели в 91-93-м годах; теперь же степень идеологических размежеваний стала существенно иной. Сейчас кипят страсти не идейные, а меркантильно-властные. И успокоимся мы и «придем в норму» не тогда, когда у нас победит какая-то «национальная идея», а наоборот, когда мы научимся жить при демократических институтах, предполагающих не только отсутствие таких идей, но и отказ от таких претензий.

Почему же мы упорно твердим: «национальная идея», «национальная идея»? Мне кажется, объяснение тут довольно простое — в этих заклинаниях сказывается наша ностальгия, наша привычка к идеологическому типу интеграции. Не стало государственной идеологии, и все, включая демократов, почувствовали себя неуютно. В русской истории такого еще не было. Нам трудно примыкать к иным типам общественного сплочения, потому и возникает желание выдумать «национальную идею». Но сегодня это просто невозможно. И, думаю, любая попытка какой-то группы людей, занимающих высокие позиции во власти, навязать стране определенную «национальную идею» обречена на провал, даже если и будет предпринята.

Хотеть «национальную идею» мы можем — хотеть никому не возбраняется. Но иметь ее уже не получится. Мы — на иной стадии развития, в ином «возрасте». А когда люди хотят чего-то, чего в принципе быть не может, например, того, что не соответствует их возрасту, ничего хорошего из этого обычно не получается. Поэтому лучше от таких желаний избавляться.